

Как читатели, так и большинство независимых экспертов (писателей и критиков) считают, что Павел Андреев на сегодня является

№1 «афганской»
прозы

Обретение

Каждую зиму Луганщина вспоминает очередную дату «ввода советских войск в Афганистан», ведь через горнило этой войны прошло 7500 тысяч наших земляков. Сегодня в эксклюзивном интервью для «Реальной газеты» абсолютно уникальная личность – человек-легенда, человек-глыба – писатель-афганец Павел Андреев расскажет о жизни, смерти и литературе

Беседовал Глеб Бобров

– Вы часто используете формулировку «Реабилитация – это восстановление достоинства». С чего и как началась Ваша реабилитация?

– Это всегда начинается с конца. Честь – это мнение окружающих о ваших поступках. Достоинство – это ваша личная самооценка. В первые двадцать лет многие путают честь с достоинством. Во вторые двадцать лет многие начинают понимать, что достоинство это простая дробь: соотношение того, что получилось, к тому, чего хотел. В идеале дробь должна стремиться к единичке. В 1982 году у меня эта дробь устремилась к нулю.

13 октября 1962 года – рождение. 1979 год – окончание средней школы, 1 курс геофизического факультета Свердловского горного института. 1981 год – рождение сына, осенний призыв, войсковая часть 81102 – 4-й взвод 6-ой роты 2-го батальона Кишинского полка в Ашхабаде. 1982 год – сержант, командир отделения 4-го взвода 6 роты 2-го батальона Кандагарской бригады. Засады, рейды, конвой колонн.

1982 год, ноябрь – подрыв на итальянской противопехотке. Официальная формулировка – «находясь в спецкомандировке, наступил на мину, получил минно-взрывное ранение с отрывом обеих нижних конечностей». 1982 год – Кандагарский госпиталь, Ташкентский госпиталь. 1983 год – Ленинградский госпиталь, первые кожно-шинные протезы, демобилизация, 1 группа инвалидности, восстановление на втором курсе геофизического факультета Свердловского горного института.

1987 год – 3 пары шошениных протезов, неза-

живающая трофическая язва, окончание института, переезд и работа по полученной специальности в Казахстане. 1990 год – последние 2 операции в Германии, реампутация 5 сантиметров пятнадцатисантиметровой голени ради иссечения трофической язвы, первые протезы Otto Bock и первая поездка на велосипеде за прошедшие 7 лет...

– Было ли предчувствие, какие-то сигналы, знаки Судьбы?

– Были. Я сейчас объясню. Судьба – это люди, которые нас окружают. При этом надо понимать, что жизнь нас ничему не учит специально – она нам показывает то, что может с нами случиться, нам лишь остается выбрать. Таким образом, увидеть вероятные события в собственной судьбе реально – будь внимателен к тому, что происходит с окружающими тебя людьми.

Будущие события – это совместно созданная реальность для всех, кто в ней участвует. Поэтому предсказать будущее легко – для этого достаточно о нем договориться с теми, кто «участвует». Но как только кто-то из «участвующих» меняет свое представление о своем будущем – твое будущее меняется. Все, что происходило вокруг меня за месяц до взрыва, свидетельствовало только об одном – я следующий. Я не знаю, что думал о своем будущем «дух», когда ставил «мою» противопехотку, но точно знаю – в этот момент мое будущее уже стремительно менялось, и «дух» сапер в это был уверен. Увы, тогда я этого не понимал...

– В своих произведениях Вы всегда пытаетесь заглянуть в суть событий, рассмотреть/показать его экзистенциальное ядро. С этой точки зрения – чем был Ваш подрыв? В чем высший смысл случившегося с Вами?

– Я часто спрашивал себя: кто кого взорвал – я мину или она

меня? Трудно бывает объяснить, что не может вульгарная случайность привести человека на мину радиусом девять сантиметров – надо сильно постараться, чтобы найти эти заминированные двести квадратных сантиметров чужой земли. Вероятность наступить на мину ПМН на стандартном советском минном поле составляет всего 0,07 – т.е. из ста солдат, попавших на такое поле, подрывутся всего семеро.

Все помнят – нельзя наступать на свою тень. Вытапывающие собственную тень – вытапывают свое будущее. Вероятность наступить на мину у вытапывающего собственную тень сапера ниже, чем у танка, – солдат вытапывает один процент своей тени, а не 20-40%, как колесная или гусеничная машина.

Все, что с нами происходит сегодня – результат наших вчерашних поступков. Поэтому вероятность наступить мне на мину была равна отношению числа событий, осуществление которых приближало меня к мине, к общему числу событий, происходящих со мной в тот день.

И если такая возможность вдруг выпадает, тогда что это – удача или неудача, остаться живым после того, как под тобой взрывается чайное блюдце, залитое пластидом?

Я думаю, мне выпал счастливый билет – у меня была прекрасная возможность «красиво устроиться» под холмиком с обелиском, но я ее так бездарно упустил, что уже не вижу необходимости суетиться по поводу «повезет» или «не повезет». Жизнь для меня, последние тридцать лет, – уже не обязанность, это выпавшая мне благоприятная возможность. Взрыв мины меня этому быстро научил.

– Можно ли в Вашем случае сказать, что Бог дает каждому ровно столько, сколько человек может выдюжить?

Прямая речь

Павел Андреев – удивительно афористичный писатель. Из его цитат мне особенно нравится вот эта: «Своим точным выстрелом вражеский снайпер сигнализирует вам, что в ваших услугах – как противника – он больше не нуждается»

Александр Курочка, зампредела «Союза ветеранов Афганистана» и руководитель ЛООО «Ветеранов ВДВ»

17

реальный разговор

ДОСТОИНСТВА

– Живя в палаточном городке у черта на рогах, трудно было чувствовать себя как у Бога за пазухой. Когда идет перестрелка, где-то в Регистане, обе стороны молятся, но Бог никого из них не слушает – все люди с ружьем на этой войне для него одинаковы в своих желаниях. Бог начинает помогать лишь тогда, когда бой заканчивается – оценивая нас по последствиям наших поступков после боя. На той войне Бог дарил нам все шансы, заворачивая его в проблему. Чем больше была проблема, тем больший подарок скрывался под оберткой. Не все смогли сразу «распечатать» подарок. Бог отпускал нам грехи – в кредит.

Я не получил ничего из того, о чем молил тогда в Регистане, но я получил все, что мне было НУЖНО в будущей жизни! Бог услышал мои молитвы.

Все мы по-разному приходим к Богу – кого-то приводит судьба, кто-то сам приползает на карачках, сломанный бедой. Многие создают образ собственного страха, и этот образ называют Богом.

Был случай в бригаде. Парень отказывался стрелять – ему убивать не позволяла его вера. Это выяснилось в первом же бою. Как он вообще попал в Кандагар – не представляю. Рота его отвергала, но каждый человек был на счету, и ротный придумал решение проблемы – он сделал верующего бойца медбратом, отправив его на обучение в медчасть. Этот человек вернулся в роту, чтобы позже, ценой своего здоровья, вынести с поля боя и спасти тех, кто в него не верил.

Дьявол не искушает верующих людей глупым, примитивным образом. Когда приходит какая-то крамольная мысль, какое-то искушение – это еще не грех сам по себе, нужно только постараться противостоять этому в самом начале. Дьявол искушал парня в минуты слабости его веры в заповедь «не убий». Это была его собственная война за веру, и он ее не проиграл. «Не убий» – значит, «не дай умереть» – так он решил, и верой именно в это он заполнил не только свою жизнь. Когда мы осознаем, что достойны того, за что боремся – мы становимся оружием в руках Господа. Победа – в искушениях...

– **Вы пережили клиническую смерть при эвакуации с**

поля боя и еще одну на операционном столе. Что позитивного и негативного дал Вам опыт личного умирания?

– Когда меня спрашивают – «был ли я счастлив?», я отвечаю – «был, когда умер». Я хорошо помню этот мистический опыт. Смерть для меня не стала чем-то страшным. Там иной мир, с иными законами. Мне очень сложно говорить об этом – я опасюсь быть неправильно понятым. В этой истории очень много реальной для меня мистики. Смерть – состояние, не совместимое с жизнью. Эта «несовместимость» определяется личным жизненным пространством. Я сильно хотел жить, это удержало меня в этом мире. Между смертью и жизнью всегда есть пауза – важно, чем ты ее заполняешь. Случившееся со мной научило отличать смерть от умирания...

– **Что осталось у Вас от Афганистана?**

– После подрыва мне в Кандагарском госпитале ампутировали обе ноги. Ампутированные конечности друзья зарыли в гранатовом саду у госпиталя. Ночью их разрыли шакалы и растащили по окрестностям. Сейчас где-то по Регистану носятся мои молекулы – это все, что осталось в Афганистане от меня.

В нашем настоящем всегда есть какое-то нежелательное ощущение или реакция – что-то хочется изменить, сделать иначе. Причина этого в том, что застывшее происшествие из прошлого сохраняется в настоящем, как заноза в теле. Осколки мины, что я ношу в себе, – это то, что осталось у меня от Афганистана.

– **Вернемся к Вашему универсальному определению. В чем суть «восстановления достоинства»?**

– К сорока годам война наконец-то превращается в красную книжечку о праве на льготы. Синие печати в пенсионном удостоверении – история активации прав гражданина. Скорбная, красная книжечка о войне чужих слов за положенные льготы. В этой войне за права, как и в любой другой, побеждает тот, кто в ней не участвует. Когда война кончается, из укрытий вылезают герои.

«Война – удел варваров!» – так кричат те, в чьих презервативах людей погибло больше, чем во всех мировых

войнах вместе взятых. Не красиво – слова должны соответствовать тому, что происходит в действительности. На Бога надеюсь, каждый, в первую очередь, старается сам не оплошать! Спросите любого, и он вам скажет: хлеб мой завтрашний – дай мне сегодня! Люди всегда и повсюду решали одну и ту же задачу, ставя себе одну и ту же цель, и в ходе ее достижения менялись только средства.

Хочется, чтобы люди протрезвели и поняли, что если смотреть на них через прицельную сетку их «прав и обязанностей», они превращаются в таких уродов, что становится страшно от того, что кто-то сейчас так же рассматривает тебя! Помогают ровно настолько, насколько тебе верят, и если мы берем ответственность за свое решение и действуем по нему – мы изменяем будущее.

– **Сегодня Вы успешный, состоявшийся человек. Грубо говоря, есть ли взаимосвязь между минным полем под Калатом, койками в афганских госпиталях и особняком под Екатеринбургом?**

– Можно избежать слишком неприятных сигналов к пробуждению, понимая суть урока заранее. Мы можем усвоить урок и соответственно изменить свою жизнь прямо сейчас, и нам не обязательно проходить через реальное происшествие. Я лично усвоил урок, мне больше не нужно насильственное напоминание. Трезвая оценка настоящего момента позволяет определять перспективу будущих событий. Незаметно для себя, вычитая ощущения прошлого из настоящего, получаешь представление о будущем – это главная взаимосвязь...

– **Вы – наглядный пример того, как «нельзя себя жалеть»: пешие походы по Уралу, баскетбол, путешествия по миру. Это физиологическая необходимость или видимые проявления «обретения достоинства»?**

– Ответ: это моя жизнь. Мое тело хранит память о войне, подобно тому, как молекулы пара хранят память о воде – своим прежнем состоянии. Напряженное удовольствие от занятий спортом выжимает из меня с каплями пота эту молекулярную, корпускулярную память о прошлой жизни. Я в своих шрамах храню

отпечаток безличной войны, разведенной на коммунальной кухне бульоном социальных пособий. Это варево сразу есть невозможно – надо подождать, чтобы дать ему остыть. Главное для меня – остыть, правильно понять, что происходит со мной сейчас. Ведь то, что происходит прямо сейчас, – это сама жизнь...

– **Какие самые сложные отрезки были на пути Вашей реабилитации?**

– Первые семь лет после ранения, однозначно, были самыми трудными – за это время я умудрялся совмещать активное освоение протезов, очное обучение в институте, неадаптированную среду проживания в студенческом общежитии, интенсивное хирургическое лечение – общее число операций под общим наркозом составило 15, активную интеграцию в систему социальной защиты населения.

– **Есть масса жизненных ситуаций, после которых любому человеку может понадобиться реабилитация – болезнь, тюрьма, смерть близких. Поделитесь своим опытом – где самые опасные минные поля?**

– Уровень успешности определяется внутренней самостоятельной оценкой своих действий, их соответствия помыслам, степени их реализации согласно личным планам. Достаточно лишь самому себе ответить на вопрос: «Я это делаю для того, чтобы...» или «потому, что...»?

Те, кто добивается успеха, работают с изменениями – или создавая их, или учитывая их влияние. Ты не знаешь границ возможного, пока не выйдешь за них в невозможное, а потому до открытия какого-то нового социального поля остается лишь копать сразу во все интересные стороны, всегда помня, что для того, чтобы найти такое новое, далеко не всегда нужно лезть в дебри технологий или устраивать революции. Достаточно присмотреться к основам – к принятым и уже незаметным ограничениям. Череда успехов должна быть запланированным «чудом».

– **Ваш путь реабилитации и Ваш творческий путь – насколько они взаимосвязаны?**

– Обычно упускаемый из виду невидный порядок, который соединяет нас всех, формирует пространство впечатлений. Нужно переключить внимание, чтобы заметить это пространство – именно оттуда исходят наши впечатления. У всех предметов и переживаний есть свое пространство – пространство предметов, вызывающих переживания.

Обнаруживая это, восстанавливаешь контакт с собственным основополагающим пространством – судьбой.

– **Занимая лидирующие позиции в рейтинге «афганских» прозаиков, Вы демонстративно отстраняетесь от самого определения «писатель» и на протяжении полутора десятков лет отказываетесь публиковаться даже в самых именитых издательствах. Почему?**

– Я не считаю то, что я пишу, литературой.

– **Зачастую можно услышать, что афганская тема в литературе излишня. Дескать, кому нужен опыт армии несуществующего государства и проигранной им войны. Ваше мнение?**

– Суть любой войны, незавершенной до тех пор, пока живет ее последний солдат – есть то самое незаконченное, но так невыносимое для настоящего дело из прошлого. Это как награда, которая не была вовремя вручена. Для ветерана, получившего это запоздалое признание своих заслуг, будущее устроено почти так же, как и прошлое – ему не легче оттого, что ему напоминают о том, каким героем он был в прошлом. О нем говорят то, что он смог сделать в прошлом для тех, кто живет сегодня. О тех, кто живет сегодня, говорят то, что они так и не смогли сделать для него. В этом назначение современной военной прозы – закончить то самое незаконченное, но так невыносимое для настоящего дело из прошлого.

– **Является ли сама литература – реабилитацией? Восстанавливает ли «афганская» проза и поэзия достоинство самих ветеранов и их некогда великой страны?**

– Воспоминания – след событий. Воспоминания всегда фрагментарны и неполно характеризуют события, их оставившие. Поэтому реальность прошлого – это реальность совокупности таких следов. Мы воспринимаем окружающее только тогда, когда оно укладывается в какую-нибудь известную нам ранее историю. Реальность – это история, которую мы сами себе рассказываем. Поэтому литература является мощным психологическим инструментом самореабилитации, способствующим актуализации человека.

– **Вы сделали это – восстановились, заняли достойное место в этой жизни, подняли детей и внуков, написали лучшие рассказы об Афганской войне. Что дальше? Какая следующая высота Павла Андреева?**

– Сбыча мечт.